

Научная статья
УДК 81'373.2
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-251-261
EDN: RAJZWW

ТЕРСКАЯ КАЗАЧЬЯ ОЙКОНИМИЯ: ФОРМИРОВАНИЕ, ТРАНС- ФОРМАЦИЯ И РЕВИТАЛИЗАЦИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Снежана Станиславовна Каширокова

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия, kashirokova.snezhana@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-3832-4901>

Аннотация. Статья посвящена диахроническому лингвистическому исследованию процессов формирования, трансформации и ревитализации ойконимической системы, созданной терским казачеством на территории Чеченской Республики. Эмпирическую базу составили 62 ойконима, извлечённые из топонимических словарей А.С. Сулейманова и А.В. Твердого, картографических материалов XIX–XXI вв., а также официальных документов, включая Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 24.08.1977 г. Показано, как дореволюционная модель, сформированная казачьими поселенцами, закрепляла в географических названиях основы их мировоззрения, социального устройства, хозяйственного уклада и сакральной картины мира. В работе детально анализируется механизм идеологического и административного воздействия на ойконимию в советский период, приведший к её системной деконструкции, а также сложные и противоречивые процессы её восстановления и актуализации в постсоветское время. В результате исследования установлено, что эволюция казачьей ойконимии представляет собой полный цикл: от мотивированной системы, отражавшей уклад жизни казаков через идеологически обусловленную деконструкцию, к современной фазе ревитализации, в которой ойконимы функционируют одновременно как объект символического восстановления исторической памяти. Ойконимия выступает не только историческим свидетельством, но и активным инструментом конструирования и сохранения этнокультурной идентичности терского казачества, а её эволюция наглядно демонстрирует механизмы взаимодействия языка, власти и исторической памяти.

Ключевые слова: терское казачество, ойконимия Чечни, диахронический анализ, этническая культура, формирование топонимии, трансформация топонимии, языковая политика, переименование.

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта КБГУ (договор № 45) в рамках программы «Приоритет 2030».

Для цитирования: Каширокова С.С. Терская казачья ойконимия: формирование, трансформация и ревитализация (на материале Чеченской Республики) // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 2. – С. 251-261. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-2-251-261. EDN: RAJZWW.

© Каширокова С.С., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

**TERSK COSSACK OIKONYMY:
FORMATION, TRANSFORMATION AND REVITALIZATION
(BASED ON THE MATERIAL OF THE CHECHEN REPUBLIC)**

Snezhana S. Kashirokova

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, kashirokova.snezhana@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-3832-4901>

Abstract. The article is devoted to a diachronic linguistic study of the processes of formation, transformation and revitalization of the oikonymic system created by the Terek Cossacks on the territory of the Chechen Republic. The empirical base consisted of 62 homonyms extracted from the toponymic dictionaries of A.S. Suleymanov and A.V. Tverdoy, cartographic materials of the XIX-XXI centuries, as well as official documents, including the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR dated 08/24/1977. It is shown how the pre-revolutionary model formed by the Cossack settlers fixed the foundations of their worldview, social structure, economic structure and sacred worldview in geographical names. The paper analyzes in detail the mechanism of ideological and administrative influence on oikonymy in the Soviet period, which led to its systemic deconstruction, as well as the complex and contradictory processes of its restoration and actualization in the post-Soviet period. The study has shown that the evolution of Cossack oikonymy is a complete cycle: from a motivated system that reflected the way of life of the Cossacks, through an ideologically driven deconstruction, to the modern phase of revitalization, in which oikonyms function as an object of symbolic restoration of historical memory. Oikonymy acts not only as historical evidence, but also as an active tool for constructing and preserving the ethno-cultural identity of the Terek Cossacks, and its evolution clearly demonstrates the mechanisms of interaction between language, power and historical memory.

Acknowledgements and funding: The study was conducted with the financial support of an Internal grant from KBSU «Within the Priority 2030 program» (Agreement no. 45).

For citation: Kashirokova S.S. Tersk cossack oikonymy: formation, transformation and revitalization (based on the material of the Chechen Republic). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 2. – P. 251-261. – DOI: 10.31143/2542 212X-2026-2-251-261. EDN: RAJZWW.

© Kashirokova S.S., 2026

© Caucasology, 2026

Введение

Ойконимическая система любого региона представляет собой исторически сложившийся и динамически развивающийся пласт топонимии, непосредственно связанный с процессами освоения территории, ее административно-территориальным устройством и сменой идеологических парадигм. Ойконимия терского казачества, сформировавшаяся на территории современной Чеченской Республики, является ярким примером такой динамичной системы, испытавшей на себе влияние кардинальных исторических сдвигов. Ее изучение в диахроническом аспекте позволяет смоделировать лингвистические механизмы и этапы эволюции подсистемы названий населенных пунктов в условиях радикальных внешних воздействий.

Стоит отметить, что само понятие «терские казаки» по мнению Г.А. Яковлевой имеет два значения: узкое и широкое. Так, «в широком смысле этим термином именуется все казачье население Терека и прилегающих к нему регионов»

[Яковлева 2000: 5], а в узком – «терскими казаками называются казаки, живущие в станицах выше и ниже по Тереку от гребенских станиц» [Яковлева 2000: 5]. И.Х. Тхамокова отмечает, что «казачество в XIX – начале XX в. являлось особым сословием и отделялось от других групп населения России социальными, но не этнокультурными границами» [Тхамокова 2017: 427], однако «социальные различия понимались ими как национальные [Тхамокова 2017: 421–422]. Таким образом, в нашем понимании терское казачество – это исторически сложившаяся этносоциальная и культурная общность, формирование которой на территории Северного Кавказа в XVI–XIX вв. сопровождалось активным хозяйственным и военным освоением пространства, что привело к созданию системы поселений (станций и хуторов) и, как следствие, уникальной ойконимической традиции, отразившей тенденции наименования населенных пунктов в указанный период.

Актуальность данного исследования заключается в необходимости системного лингвистического описания полного цикла становления региональной ойконимической подсистемы: от ее генезиса и становления через этап трансформации к современным попыткам восстановления. Такой подход позволяет выявить не только конкретные номинативные модели, но и общие закономерности устойчивости/изменчивости топонимии под давлением экстралингвистических факторов.

Цель исследования – проследить лингвистическими методами основные этапы формирования, трансформации и ревитализации ойконимической системы терского казачества в Чечне. Для ее достижения поставлены следующие задачи:

- 1) рассмотреть особенности формирования первичного казачьего ойконимикона в дореволюционный период;
- 2) проанализировать характер и языковые результаты трансформации названий населенных пунктов в советскую эпоху, выявить направления изменений;
- 3) охарактеризовать современные процессы ревитализации казачьих ойконимов и их взаимодействие с другими пластами топонимии в постсоветский период.

Объектом исследования выступает ойконимическая система территории Чеченской Республики в той ее части, которая была связана с присутствием терского казачества. Следует отметить, что анализу были подвержены не только названия, данные казаками при основании станиц и хуторов, но и те ойконимы, которые обозначили места их компактного проживания в определенный исторический период, а также советские идеологемы, формально и фактически не имеющие отношения к казачьему населению, но занимающие то же пространство. Тем самым обеспечивается целостное диахроническое рассмотрение одной и той же территориальной подсистемы, в которой казачий пласт взаимодействовал с другими номинативными пластами.

Теоретико-методологической базой исследования послужили положения лингвокогнитивистики, разработанные Н.Н. Болдыревым, в рамках которой язык понимается как когнитивный механизм, обеспечивающий процессы категориза-

ции и концептуализации мира [Болдырев 2007]. Топоним в этой парадигме рассматривается не просто как имя собственное, а как вербализованный результат процесса освоения пространства, фиксирующий наиболее релевантные для номинатора признаки объекта. Для анализа именно казачьего компонента ключевыми стали работы по истории и культуре терского казачества [Потто 1912; Караулов 1912], позволяющие соотнести наименования населенных пунктов с конкретными историческими практиками и мировоззренческими установками. Вопросы изучения топонимов как особого класса слов, формирующих собственную систему, поднимаются в работах В.В. Корневой и Д.Б. Меняйловой, которые справедливо отмечают, что анализ структуры топонимов позволяет выявить общие закономерности формирования топонимической лексики, свойственные определенной лингвокультуре [Корнева, Меняйлова 2012]. Кроме того, теоретическую значимость для настоящего исследования представляет работа В.А. Масловой, в которой обобщены базовые положения когнитивной лингвистики, релевантные для анализа способов концептуализации пространства [Маслова 2004].

Особую значимость для методологии настоящего исследования представляют работы, посвященные теории топонимического концепта, в частности А.Н. Беляев рассматривает когнитивные основания формирования этого феномена, предлагает двухуровневую модель онимического знака, определяет топонимический концепт как «единицу ментальной репрезентации фрагмента физической географии, описываемого топонимическим контекстом» [Беляев 2019: 16], и подчеркивает, что концепт постоянно обновляется по мере поступления новых данных, а его структура включает семантические отношения между общим категориальным и индивидуальным значением онима. Важным теоретическим обоснованием выступает работа А.С. Щербак «Основные типы ономастических концептов», в которой автор вводит и детализирует понятие «ономастического концепта», определяя его как «особый тип ономастического знания, определяющего семантику имен собственных, знания об ономастическом фрагменте действительности» [Щербак 2009: 169]. Она выделяет два основных типа ономастических концептов – антропонимический и топонимический, – которые лежат в основе соответствующих ономастических категорий. Особую ценность для данного исследования представляет предложенное А.С. Щербак разделение ономастического пространства на ближнее и дальнее, а также трехуровневая модель категоризации онимов (суперординатный, базовый и субординатный уровни), которая может быть продуктивно применена для анализа казачьей ойконимии [Щербак 2009: 169]. В целом методологическая основа исследования базируется на интегративном подходе, сочетающем описательный метод (систематизация и классификация ойконимов), лингвокогнитивный анализ (выявление мотивационных признаков номинации и реконструкция стоящих за ними ментальных моделей), сравнительно-исторический метод (сопоставление ойконимических систем трех эпох для определения преемственности и разрывов в репрезентации казачьей культуры).

Эмпирическая база исследования включает официальные документы (Указы Президиума Верховного Совета РСФСР, например, от 24.08.1977 г.), кар-

тографические материалы дореволюционного, советского и постсоветского периодов; топонимические словари А.С. Сулейманова [Сулейманов 1997], А.В. Твердого [Твердый 2008] (62 ойконима). При этом в фокус анализа попали не только названия поселений, основанных самим терским казачеством, но и ойконимы, бытовавшие в среде казачьего населения в различные исторические периоды (включая те, что изначально восходят к автохтонной топонимии), а также наименования, искусственно созданные в советское время и не связанные с казачьей традицией именования.

Обзор научной литературы по проблеме исследования. Проблема изучения ойконимии в контексте этнической культуры находится на стыке нескольких научных дисциплин – лингвистики, истории, географии и этнологии. Комплексный анализ имеющихся исследований позволяет выявить основные векторы научной мысли и определить место настоящего исследования в существующем академическом дискурсе. Фундаментальный вклад в развитие теории топонимики внесли труды Э.М. Мурзаева, который рассматривает географические названия как исторические источники, отражающие хозяйственную деятельность, этническую историю и культурные контакты народов [Мурзаев 1974]. Для кавказского контекста незаменимы работы А.В. Твердого и А.С. Сулейманова, составившие основу эмпирической базы многих региональных исследований [Твердый 2008; Сулейманов 1997]. В частности, словарь А.В. Сулейманова «Топонимия Чечни» представляет собой наиболее полный свод чеченских топонимов, хотя анализ казачьего компонента в ойконимии не являлся его основной задачей.

Этнографические и исторические исследования казачества заложили основу для понимания его социального устройства, хозяйственного уклада и культурной специфики [Потто 1912]. На современном этапе особую актуальность приобретают работы, посвященные идентичности и памяти в контексте казачьей культуры. В частности, отметим исследование В.Х. Тхакахова, посвященное топонимической политике в Чечне, в котором автор затрагивает вопросы дерусификации и ресакрализации пространства, однако фокус смещен в сторону общечеченских процессов, в то время как казачий компонент рассматривается фрагментарно [Тхакахов 2019].

Особого внимания заслуживает диссертационное исследование О.А. Буниной, в котором предложена оригинальная методология анализа казачьего культурного ландшафта, выделены пять этапов эволюции казачьих этнокультурных ландшафтов, проведено детальное культурно-ландшафтное районирование, отмечена ведущая роль политико-военного фактора в организации пространственной структуры. Однако внимание автора сосредоточено на анализе топонимов Ставропольского края и не затрагивает специфику ойконимической системы в контексте культурных концептов [Бунина 2004].

Проведенный анализ литературы по топонимике Чечни показал, что многие вопросы до сих пор находятся вне поля зрения исследователей: имеющиеся работы носят преимущественно справочно-этимологический характер, внимание

авторов фокусируется на ландшафтных и пространственных моделях, а лингвистический аспект ойконимии остается на периферии [Сулейманов 1997; Тхакахов 2019].

Таким образом, научная новизна настоящего исследования заключается в синтезе различных подходов к изучению ойконимической системы Чечни как целостного источника для реконструкции особенностей формирования топонимикона терским казачеством в различные исторические периоды. Это позволяет перейти от описания отдельных названий к пониманию механизмов концептуализации пространства в коллективном сознании казачьего субэтноса.

Основная часть

Процесс формирования казачьей ойконимии на Тереке в XVI – начале XX вв. был непосредственным отражением характера адаптации казаков к новым географическим и этнокультурным реалиям. В ходе анализа эмпирического материала нами определены факторы наименования населенных пунктов, отражающих специфику их создания, трансформации и ревитализации.

1. Физико-географическая адаптация. Освоение новой территории требовало её детального познания и описания. В ойконимах по физико-географическим признакам концептуализирована специфика утилитарного отношения к земле: в них выделяются: а) гидронимическая привязка – названия, данные по наличию водных источников: *ст. Горячеисточненская* получила имя от термальных минеральных источников Святой Екатерины; номинация *Семиколодцев* не только указывает на ключевой ресурс – воду, но и конкретизирует его количество, что имело и имеет сугубо практическое значение; б) ориентация на характер рельефа: *ст. Бороздиновская* была названа по расположению в длинной ложине, напоминающей визуально борозду; имя *с. Надтеречное* четко маркирует свое положение над р. Терек, выполняет ориентирующую функцию; в номинациях *ст. Ассиновская* (вблизи бывшего аула Агу-Борзой) и *Сунженская* (бывший Ахки-юрт) зафиксирована их локация у соответствующих рек, интегрированных в существующую гидронимическую систему; в) по характеру растительности: *ст. Калиновская* – по зарослям калины, чеченское название «Гал-Пала» происходит от искаженного и усеченного слова «калина» с добавлением типичного обозначения русских крепостей и станиц – «Пала» («укрепление»); *х. Капустино*, – вероятно, связанному с выращиванием капусты; *ст. Дубовская* – от породы дуба, растущего в окрестных лесах [Сулейманов 1997]. Эти названия выполняли не только идентифицирующую, но и навигационно-хозяйственную функцию, отражая места обитания терских казаков как источники ресурсов для жизнеобеспечения.

2. Связь с исторической родиной. Названия, перенесенные с исконных земель, например, *ст. Червлённая* (чеч. Оьрза-Гала) по одной из версий указывает на миграцию казаков из Червлёного Яра в Рязанском княжестве; село *Харьковское* основано переселенцами из Харьковской губернии [Сулейманов 1997], что концептуализирует идею преемственности и связи с утраченной родиной. Они выполняли важную функцию поддержания идентичности в условиях

миграции, смягчая трудности адаптации и создавая символический мост между прошлым и настоящим.

3. Православие. Оно выступало духовным и идеологическим стержнем, что находило отражение в номинациях населенных пунктов. Например, основание станиц *Петропавловская* (на месте чеченского с. Чурт-тоҕе, русская транскрипция Чертугай), *Ильинская* (чеч. Бас-ГПала), связано либо с церквями, построенными в честь святых Петра и Павла, святого пророка Ильи, либо с религиозными праздниками, в частности, ст. *Михайловская* (чеч. Эна-Хишка) – в честь праздника Архангела Михаила [Сулейманов 1997], что было не просто данью традиции, а актом символического освящения и защиты нового пространства. Название выступало оберегом и маркером принадлежности к православному миру, концептуализируя идею «освященной земли». Этот фактор был доминирующим в процессе освоения новых территорий.

4. Общинность. Социальное устройство казачества, основанное на принципах общинности и личной доблести, фиксировалось в ойконимии. Многочисленные хутора и станицы получали имена по фамилиям основателей или атаманов – *Давыденко, Селиванкин, Корнеев, Кречетово, Клинков, Васильев, Савельевская, Старощедринская, Новоощедринская, Старогладковская, Курдюковская* [Великая 2001: 47–48]. Эта практика закрепляла не только право собственности, но и факт личного вклада в общее дело освоения территории, формируя «пантеон» первопоселенцев и значимых фигур в коллективной памяти казаков. В целом, фактор общинности отражает высокую степень персонализации социальных отношений в казачьей среде.

Советская эпоха ознаменовала собой целенаправленную деконструкцию казачества как социально-культурного явления, что напрямую отразилось на ойконимиконе, в связи с системной трансформацией, в основе которой лежали процессы и факторы, повлиявшие на наименование населенных пунктов, возникших в данный период. При этом необходимо подчеркнуть, что сами дореволюционные казачьи названия станиц и хуторов в своем большинстве не подверглись формальному переименованию. Однако на данном этапе тенденция имянаречения была представлена иначе: ее определяли не православная сакрализация, память о первопоселенцах или воинская доблесть, а условия нового режима. Так появились населенные пункты, в основном, не связанные с казачьим населением, а возникшие в соответствии с административными документами. Например, наименования в честь советских деятелей (с. *Фрунзенское* – в честь военачальника Красной армии во время Гражданской войны М.В. Фрунзе, с. *Ульяновское* – в честь основателя и первого руководителя Союза Советских Социалистических Республик В.И. Ленина-Ульянова), а также наименования, посвященные Великой Октябрьской революции: с. *Октябрьское*) были направлены на разрыв исторической памяти и конструирование новой, советской идентичности, исключая казачий компонент. Названия-лозунги п. *Мирный* и ст. *Первомайская* (чеч. Мамаки-юрт), п. *Майский* – по части популярного лозунга, который использовался в СССР на 1 Мая; с. *Братское* – по идеологии «братства народов»; с. *Красностенновское* связано с символикой красного цвета в Советской России

выполняли функцию постоянной трансляции основных постулатов государственной идеологии. Примечательным является название с. *Гвардейское* (чеченское село Иелин-юрт), которое дано в память о гвардейцах, героически сражавшихся против немецко-фашистских захватчиков с августа 1942 по январь 1943 г., защищая подступы к нефтяному Грозному. Как было отмечено, прямого массового переименования старых казачьих топонимов не проводилось, но новые названия активно вытесняли прежнюю модель из актуального узуса, занимая ту же территориальную нишу.

Утилитарные названия, отражающие исключительно хозяйственную функцию (*Нефтянка, Газгородок*), а также номерные обозначения (кошара № 3, ОТФ № 1), появились в период формирования советского ойконимического пласта. Это символизировало переход от восприятия пространства как «освоенной родины» к восприятию его как «экономического ресурса», лишённого историко-культурной памяти. Процесс «окультуривания» названий в 1977 г. [Указ...1977] *Высокогорное, Зеленое, Набережный, Нагорное, Подгорное, Правобережное, Левобережное, Дальнее, Новотерское, Рубежное*, обозначающие локацию населённых пунктов; *Обильный*, символизирующий некий достаток ареала; носил формальный характер, создавая стандартизированные, обезличенные наименования, чуждые органичной казачьей номинативной традиции. Эти названия, хотя и отсылали к природным объектам, были лишены исторической преемственности и являлись результатом административного решения.

Постсоветский период характеризуется сложными и зачастую противоречивыми процессами ревитализации казачьего культурного наследия, в том числе и в ойконимии. Этот этап можно охарактеризовать как фазу реституции, которая, являясь реакцией на советское наследие, демонстрирует новые векторы именования.

Восстановление исторических названий казачьих станиц не наблюдается. На данном этапе главную роль занимает новая этнополитическая реальность, где доминирующей тенденцией стала дерусификация и восстановление исконных топонимов. Восстановление таких названий, как *Али-Юрт* вместо *Гвардейского* или *Бердыкель* вместо *Комсомольского*, выступало актом символического восстановления суверенитета, направленным на устранение идеологических наслоений, но при этом иногда затрагивало и дореволюционные казачьи названия (ст. *Наурская – г. Нерве*).

Параллельное бытование нескольких названий одного и того же пункта превращает ойконимическое пространство в поле диалога между разными версиями исторической памяти и идентичности. На одном полюсе находятся официально восстановленные исторические чеченские названия, на другом – сохраняющиеся в памяти и обиходе советские ойконимы, а на третьем – новые мемориальные имена, значимые для современного этапа развития общества. Подобное семиотическое наслоение между юридическим статусом, визуальным употреблением и новыми наименованиями превращает ойконимическое пространство в уникальный феномен лингвокогнитивной действительности.

Следует отметить то, что в современных условиях исторические казачьи названия, даже если они не восстановлены официально, продолжают выполнять

функцию внутригрупповых маркеров, консолидирующих казачье сообщество. Они используются в деятельности казачьих обществ, в краеведческой работе, в публицистике, выступая инструментом конструирования и поддержания коллективной идентичности в новых социально-политических условиях. В этом контексте ойконимия начинает выполнять новую социально-политическую функцию – роль маркера культурной автономии казачества и исторической памяти.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что ойконимическая система терского казачества в Чечне прошла через полный цикл историко-лингвистической динамики.

Формирование в дореволюционную эпоху способствовало созданию мотивированной системы, непосредственно отражавшей уклад жизни казаков.

Советский период привел к системной деконструкции этой модели через идеологическое замещение и экономическую детерминацию. Ойконимическое пространство стало объектом планового преобразования, подчиненного задачам модернизации и идеологического контроля.

Постсоветский период характеризуется сложным процессом ревитализации, в котором ойконимия становится не только объектом символического восстановления, но и активным инструментом конструирования современной казачьей идентичности в условиях нового исторического и политического контекста. Однако это преобразование носит противоречивый характер, связанный с другими мощными идентификационными проектами.

Таким образом, эволюция казачьего компонента в ойконимии Чечни наглядно демонстрирует механизмы взаимодействия языка, власти и этнической культуры, где географическое название выступает одновременно и продуктом, и активным участником диалога между эпохами и культурами. Ойконимия предстает как циклический процесс, в котором каждая эпоха оставляет свой след в виде специфических когнитивных стратегий освоения пространства. Рассмотрение данных явлений в трихотомии позволяет считать ойконим ключом к пониманию глубинных основ менталитета терского казачества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Беляев 2019 – *Беляев А.Н.* О топонимическом концепте // Вестник Челябинского государственного университета. – 2019. – № 1 (423). – С. 13–21.

Болдырев 2007 – *Болдырев Н.Н.* Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – №4 (013). – С. 17–27.

Бунина 2004 – *Бунина О.А.* Ландшафтный анализ формирования геокультурного пространства казачьего субэтноса в Ставропольском крае. Автореф. дисс. канд геогр. Н-к. – Ставрополь, 2004. – 20 с.

Великая 2001 – *Великая Н.Н.* Казаки Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв., – Ростов-на-Дону, 2001. – 278 с.

Караулов 1912 – *Караулов М.А.* Казачество в прошлом и настоящем: (памятка терского казака) / сост. подьесаул Терского казачьего войска М. А. Караулов 2-ой. – Владикавказ: Войсковой штаб Терского казачьего войска, 1912. – XV. – 384 с.

Корнева, Меняйлова 2012 – *Корнева В.В., Меняйлова Д.Б.* Основные направления изучения топонимов // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 2. – С. 21–26.

Маслова 2004 – *Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика: Учебное пособие / В.А. Маслова. – Мн.: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.

Мурзаев 1974 – *Мурзаев Э.М.* Очерки топонимики. – М.: Мысль, 1974. – 382 с.

Потто 1912 – *Потто В.А.* Два века терского казачества (1577–1801). В 2 томах. Т. I. – Владикавказ: Электротпечатная типография Терского областного правления, 1912. – 116 с.; Т. 2. – Владикавказ: Электротпечатная типография Терского областного правления, 1912. – 247 с.

Сулейманов 1997 – *Сулейманов А.С.* Топонимия Чечни. – Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 1997. – 683 с.

Твердый 2008 – *Твердый А.В.* Кавказ в именах, названиях, легендах: опыт топонимического словаря. – Краснодар: Платонов И., 2008. – 432 с.

Тхамокова 2017 – *Тхамокова И.Х.* Терское казачество в этнокультурном пространстве Северного Кавказа (XVI – начало XX в.) – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 460 с.

Тхакахов 2019 – *Тхакахов В.Х.* Идентичность и память в топонимической политике Чечни // Научная мысль Кавказа. – 2019. – №2. – С. 40–49.

Указ... 1977 – Указ Президиума ВС РСФСР от 24.08.1977 г. «О переименовании некоторых населённых пунктов в Чечено-Ингушской АССР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1977. – № 35 (сентябрь).

Щербак 2009 – *Щербак А.С.* Основные типы ономастических концептов (на материале региональной концептосферы) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 10 (78). – С. 169–175.

Яковлева 2000 – *Яковлева Г.А.* Русские терские казачьи говоры Северного Кавказа. – Нальчик: Полиграфсервис и Т., 2000. – 128 с.

REFERENCES

BELYAEV A.N. *O toponimicheskom kontsepte* [On the toponymic concept]. In: Vestnik Chel'yabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2019. – № 1 (423). – P. 13-21. (In Russ.).

BOLDYREV N.N. *Reprezentatsiya znaniy v sisteme yazyka* [Representation of knowledge in the language system]. In: Voprosy kognitivnoi lingvistiki. – 2007. – № 4 (013). – P. 17–27. (In Russ.).

BUNINA O.A. *Landshaftnyi analiz formirovaniya geokul'turnogo prostranstva kazach'ego subetnosa v Stavropol'skom krae* [Landscape analysis of the formation of the geocultural space of the Cossack sub-ethnos in the Stavropol Territory]. Avtoref. diss. kand. geograf. n-k. – Stavropol', 2004. – 20 p. (In Russ.).

KARAULOV M.A. *Kazachestvo v proshlom i nastoyashchem: (pamyatka terskogo kazaka)* [The Cossacks in the Past and Present: (A Terek Cossack's Memoir)] / sost. pod'esaul Terskogo kazach'ego voiska M. A. Karaulov 2-oi. – Vladikavkaz: Voiskovoi shtab Terskogo kazach'ego voiska, 1912. – XV. – 384 p. (In Russ.).

KORNEVA V.V., MENYAILOVA D.B. *Osnovnye napravleniya izucheniya toponimov* [Main Directions of Studying Toponyms]. In: Vestnik Voronezh. gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. – 2012. – № 2. – S. 21–26. (In Russ.).

MASLOVA V.A. *Kognitivnaya lingvistika: Uchebnoe posobie* [Cognitive Linguistics] / V.A. Maslova. – Мн.: TetraSistems, 2004. – 256 p. (In Russ.).

MURZAEV E.M. *Ocherki toponimiki* [Essays on Toponymy]. – М.: Mysl', 1974. – 382 p. (In Russ.).

POTTO V.A. *Dva veka terskogo kazachestva (1577–1801)* [Two Centuries of the Terek Cossacks (1577–1800)]. V 2 tomakh. T.I. – Vladikavkaz: Elektrotpechatnaya tipografiya Terskogo oblastnogo pravleniya, 1912. – 116 s.; 1912 – 247 p. (In Russ.).

SULEIMANOV A.S. *Toponimiya Chechni* [Toponymy of Chechnya]. – Nal'chik: Izd. tsentr «El'-Fa», 1997. – 683 p. (In Russ.).

TVERDYI A.V. *Kavkaz v imenakh, nazvaniyakh, legendakh: opy`t toponimicheskogo slovarya*. [The Caucasus in Names, Titles, and Legends: toponymic dictionary experience]. – Krasnodar: Platonov I., 2008.– 432 p. (In Russ.).

ТКНАКАКHOV V.КН. *Identichnost' i pamyat' v toponimicheskoi politike Chechni* [Identity and Memory in the Toponymic Policy of Chechnya]. In: *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. – 2019. – № 2. – S. 40–49. (In Russ.).

ТКHAMOKOVA I.КН. *Terskoe kazachestvo v e`tnokul`turnom prostranstve Severnogo Kavkaza (XVI – nachalo XX v.)* [The Tersky Cossacks in ethnocultural space of the North Caucasus (16th – the beginning of the 20th century)]. – Nal`chik: Redakcionno-izdatel`skij otdel IGI KBNCz RAN, 2017. – 460 p.

Ukaz Prezidiuma VS RSFSR ot 24.08.1977 g. «O pereimenovanii nekotorykh naseleennykh punktov v Checheno-Ingushskoi ASSR» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR dated 24.08.1977 "On the Renaming of Certain Settlements in the Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic"]. In: *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR*. – 1977. – № 35 (sentyabr). (In Russ.).

SHCHERBAK A.S. *Osnovnye tipy onomasticheskikh kontseptov (na materiale regional'noi kontseptosfery)* [Main Types of Onomastic Concepts (Based on the Regional Conceptual Domain)]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarny`e nauki* – 2009. – №10 (78). – P. 169–175. (In Russ.).

YAKOVLEVA G.A. *Russkie terskie kazach`i govory` Severnogo Kavkaza* [Russian Terek Cossack dialects of the North Caucasus]. – Nal`chik: Poligrafservis i T., 2000. – 128 p. (In Russ.).

VELIKAYA N.N. *Kazaki Vostochnogo Predkavkazya v XVIII-XIX vv.* [Cossacks of the Eastern Ciscaucasia in the 18th-19th Centuries] – Rostov-na-Donu, 2001. – 278 p. (In Russ.).

Информация об авторах

С.С. Каширокова – старший лаборант научно-образовательного центра русского языка и культуры.

Information about the author

S.S. Kashirokova – Senior Laboratory Assistant at the Russian Language and Culture Research and Education Center.

Статья поступила в редакцию 16.01.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2026 г.; принята к публикации 29.06.2026 г.

The article was submitted 16.01.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.